

Изъ записокъ 1877—78 г.г. ¹⁾.

Скоро все вошло въ свою колею и пошло у насъ своимъ порядкомъ; я являлся ежедневно къ столу великаго князя, какъ „экономъ“, а также приходилъ къ его утреннему и вечернему чаю. Черезъ нѣсколько дней однако великій князь объявилъ мнѣ, что разрѣшаетъ не беспокоиться этимъ, такъ какъ каждый день предстоятъ занятія и совѣщанія то съ прибывшимъ въ Адрианополь новымъ графомъ — Ник. Павл. Игнатьевымъ, то съ турецкими пашами, а то и съ графомъ Игнатьевымъ, и съ пашами.

Великій князь былъ страшно занятъ, озабоченъ и сталъ нѣсколько нервенъ, такъ какъ азіатскіе обманы и фальшь восточныхъ людей не могли не выводить его изъ себя.

— „Распорядись только такъ, сказалъ онъ мнѣ, чтобы твое мѣстопробываніе было всегда извѣстно здѣсь у меня въ домѣ кому-либо, чтобы знали, гдѣ тебя найти въ случаѣ, если ты понадобишься“.

Дней черезъ пять послѣ этого, какъ-то вечеромъ, находясь въ Адрианопольскомъ монастырѣ въ квартирѣ, которую тамъ занималъ начальникъ артиллеріи гв. корпуса свиты генераль Магнусъ Ивановичъ Бревернъ, я сидѣлъ у него въ довольно большой компаніи артиллеристовъ; тамъ находились: Н. А. Безакъ, А. Я. Таль, Н. Н. Мартыновъ, Н. Н. Ляпуновъ, В. А. Гамильтонъ, Г. А. Глазенапъ, Е. А. Леонтьевъ и другіе; вдругъ къ намъ вошелъ гвардейскій казакъ и потребовалъ меня къ его высочеству. Когда я явился, великій князь объявилъ мнѣ, что рѣшилъ командировать меня въ Малую Азію, куда я по-

¹⁾ См. „Русская Старина“, май 1915 г.

ѣду черезъ два-три дня по пути на Константинополь, Черное море, Трепизондъ, Эрзерумъ.

— Ты повезешь въ кавказскую армию условія перемирія и выработанныя основанія мира; получи всѣ подробности въ моемъ штабѣ отъ Артура Адамовича ¹⁾ и передай бумаги по адресу брату моему и Лорисъ-Меликову. А почему именно тебя я посылаю — объ этомъ разспроси облюбовавшего тебя твоего ходатая, графа Николая Павловича, онъ тебѣ все объяснитъ. Подробности моихъ порученій я тебѣ доскажу передъ твоимъ отправленіемъ.

Явясъ къ гр. Игнатьеву, я услышалъ отъ него, что онъ, по своему убѣжденію, призналъ, для пользы дѣла, крайне необходимымъ немедленно же, во время веденія переговоровъ съ турками о мирѣ, послать въ разныя концы на ихъ территорію офицеровъ; этимъ будетъ имъ показано безконечное довѣріе и они лучше подадутся на всѣ наши предложенія и требованія.

— Когда же великаго князя, какъ будто бы это мое предложеніе затруднило въ томъ отношеніи, что онъ не зналъ, кого для этой командировки избрать, сказалъ гр. Игнатьевъ, — тогда, продолжалъ онъ, я прямо порекомендовалъ однимъ изъ первыхъ послать васъ въ виду того, что въ моемъ присутствіи докладывались Государю Императору подробности того, какъ вы проскочили изъ-подъ Плевны отъ Криденера къ Его Величеству въ Бѣлу и вторично изъ-подъ Ловчи отъ кн. Имеретинскаго въ Горній Студень, когда весь путь завѣдомо былъ занятъ сновавшими по дорогамъ черкесами и башибузуками; великій князь конечно зналъ объ этомъ и, согласившись со мной, рѣшилъ отправить васъ въ Малую Азію.

Прошло три дня, и я уже, снаряженный, вооруженный и снабженный всѣмъ необходимымъ, а также конвоемъ, перѣзжалъ занятую Скобелевымъ границу нашего расположенія въ Чатаджѣ. Михайлъ Дмитріевичъ уже зналъ обо всемъ и выйдя ко мнѣ сказалъ: „нелегкое и непріятное путешествіе вамъ досталось; что дѣлать, держитесь бодро, благословитъ васъ Господь, вспомните, какъ вамъ пришлось, по дорогамъ, занятымъ врагомъ, держать путь изъ-подъ Ловчи, когда Имеретинскій, по моему предложенію, выбралъ васъ послать къ Государю съ донесеніемъ о взятіи того города“.

¹⁾ Непокойчицкій.

Къ вечеру другого дня намъ довелось въѣзжать въ Константинополь, и я только-что вздумалъ найти коменданта на станціи Эди-Куле—въ предмѣстьи Царьграда, какъ онъ оказался самъ меня разыскивавшимъ.

— Что это вы, какимъ образомъ вамъ удалось проѣхать прямо въ Константинополь, развѣ можно? возвращайтесь немедленно назадъ въ С.-Стефано, грубо сказалъ онъ мнѣ. Переводившій мнѣ его слова мой спутникъ, ординарецъ главнокомандующаго князь Уцміевъ Ханъ-Карабахскій, въ высшей степени скромный, воспитанный молодой человекъ, стѣснялся произнести слова азіата.

— Нѣтъ, я не возвращусь, отвѣтилъ я.

— Возвратитесь, сейчасъ же, немедленно, безъ разговоровъ, еще грубѣе произнесъ онъ.

— Нѣтъ и нѣтъ, повторилъ я; у меня есть приказъ отъ своего главнокомандующаго, я ѣду съ его порученіями въ Константинополь, тамъ долженъ буду получить дальнѣйшія распоряженія отъ германскаго посла, назадъ мнѣ не для чего возвращаться, старался я говорить возможно сдержаннѣе.

— А я требую, попробовалъ онъ еще разъ возвысить голосъ, но затѣмъ, видя, что я настойчивѣе отказываюсь, чѣмъ онъ требуетъ, отошелъ отъ меня.

Полагая, что онъ меня совсѣмъ оставилъ въ покоѣ, я уже собрался было разгружать изъ вагоновъ коней своего конвоя и багажъ, но бывший свидѣтелемъ всего этого начальникъ станціи—сербъ или болгаринъ—а можетъ быть далмать, меня предварилъ очень предупредительно:

— Не дѣлайте этого, комендантъ можетъ еще снова придти, надо вамъ съ нимъ сперва, такъ или иначе, покончить и тогда уже предпринимать что-либо.

Дѣйствительно, черезъ добрые полчаса назойливый комендантъ возвратился и, когда я приготовился дать ему еще болѣе сильный отпоръ, онъ направился прямо ко мнѣ, а затѣмъ подошелъ и сказалъ мнѣ, кланяясь по-турецки—рукой и головой:

— Извините, эфенди; мнѣ удалось переговорить телеграфомъ съ Мухтаромъ-пашой, и вотъ теперь я пришелъ васъ просить вернуться къ нему въ С.-Стефано; не знаю, какъ случилось, что васъ пропустили мимо нашей главной квартиры, но для нашихъ сераскировъ ¹⁾, а тѣмъ болѣе для мушира считается оскорбительнымъ, если кто-либо изъ постороннихъ проѣдетъ

¹⁾ Сераскиръ—предводитель; муширъ—главнокомандующій.

мимо, не захавши къ нему; возвратитесь, пожалуйста, я отъ имени Мухтара-паши васъ умоляю, сдѣлайте вашу милость, не наносите незаслуженнаго оскорбленія нашему уважаемому сераскиру. Я увѣренъ, что вы не захотите его оскорбить и попусту приносить ему тревогу.

Эти слова меня настроили и направили совершенно иначе, и я далъ свое согласіе ѣхать обратно въ С.-Стефано. Мы живо погрузились и отправились. Каково же было наше изумленіе и пораженіе, когда, прибывши на станцію С.-Стефано, мы, будучи препровождены въ красовавшуюся на берегу моря гостиницу, тамъ были помѣщены въ лучшіе номера, а когда вздумали изъ нихъ выйти, то коридоръ нашъ оказался занятымъ аскерами. т.-е. попросту вооруженными турецкими солдатами—часовыми, постановленными у двери каждаго занятаго нами номера, при чемъ какой-то военный, отрекомендовавшись намъ миралаемъ (полковникомъ), сообщилъ, что мы, какъ проѣхавшіе безъ разрѣшенія мимо главной квартиры мушира Мухтара-паши, не должны быть пропущены дальше, поэтому онъ насъ задержать здѣсь подъ стражей до тѣхъ поръ, пока не получитъ подробныхъ на нашъ счетъ распоряженій отъ сераскеріата, т.-е. военнаго министерства изъ Константинополя. Теперь же, сказалъ онъ, вы можете распоряжаться своимъ временемъ, можете обѣдать или ужинать, весь вашъ конвой съ багажемъ и съ конями будетъ въ сохранности.

Все это намъ перевелъ тотъ же, находившійся со мною спутникъ мой, ординарецъ великаго князя князь Уцмиевъ ханъ Карабахскій, который зналъ въ совершенствѣ турецкій языкъ.

Выяснилось, что хитрый комендантъ, боясь отвѣтственности передъ Мухтаромъ-пашой, рѣшилъ во что бы то ни стало доставить насъ къ нему, а потому измыслилъ такой способъ на насъ воздѣйствовать.

Я упущу тѣ небезъинтересныя подробности, которыя заключаются въ описаніи проведенной нами ночи и сношеній нашихъ черезъ того же миралаю съ Мухтаромъ-пашой;—это была незабвенная во всякомъ случаѣ жуткая ночь на 5 февраля 1878 года, когда мы пребывали всецѣло подъ властью Мухтара-паши, находясь у него въ плѣну. Хотя мы смѣялись тому, что произошло, но смѣхъ нашъ былъ далеко не радостный и невеселый.

Только утромъ, чуть свѣтъ, послѣ безконечныхъ ночныхъ переговоровъ, мы получили отъ Мухтара-паши разрѣшеніе

собраться на приготовленный для насъ повъздъ и ѡхать въ Константинополь; поѡхавши съ нами въ томъ же повъздѣ, онъ не позволилъ никого изъ насъ посадить въ первый классъ.

Въ 11-мъ часу утра мы наскоро разгрузились въ Константинополь на глазахъ обманувшаго насъ Едикульскаго коменданта; онъ только посмѣивался, а затѣмъ, по его положительному указанію, мы проѡхали цѣлымъ отрядомъ верхомъ, въ нашей военной формѣ, черезъ весь Константинополь въ германское посольство, гдѣ и представились германскому послу принцу Рейссу-Гебриху XXIII.

Насъ было 8 человекъ: ротмистръ конвоя Его Величества Алдатовъ, корнетъ милиціи князь Уцмievъ ханъ Карабахскій, три осетина—Кулаевъ и сихъ двое—казаки Владикавказскаго полка, Нишлавскій татаринъ изъ конвоя Его Величества, трубачъ крымскаго татарскаго дивизиона, послѣдній предназначался быть переводчикомъ при насъ; всѣ они были одѣты въ форму, подходившую къ черкесской, а затѣмъ я, въ регулярномъ конно-артиллерійскомъ сюртукѣ и при мнѣ мой рейткнехтъ-вахмистръ Рижскаго драгунскаго полка—Гурьяновъ.

— Что это вы, какъ это можно! сдѣлалъ принцъ Рейссъ вытянутое лицо и большіе изумленные глаза, васъ стамбульская чернь могла растерзать; вѣдь это самое большое оскорбленіе для мусульманина, когда христіане въ отрядѣ ѡдутъ свободно верхомъ черезъ ихъ городъ, какъ сейчасъ проѡхали вы. Кто васъ научилъ; какъ это комендантъ станціи въ Едикуле не предостерегъ васъ отъ этого!

— Не знаю, отвѣтилъ я, но вотъ среди насъ находится истый мусульманинъ—ханъ Карабахскій князь Уцмievъ, онъ въ этомъ не нашелъ никакой бѣды и проѡхалъ съ нами черезъ весь этотъ городъ!

Послѣ своихъ репримандовъ, посолъ сталъ торопиться „любезно“ выпроводить насъ отъ себя;—для насъ живо заложили двѣ четырехмѣстныя кареты и отправили весь нашъ транспортъ на другой конецъ города въ Византійскую (Hôtel de Bizance) гостиницу; лошадей же нашихъ поручено было конюхамъ посольства доставить туда же, причемъ едва справились съ тѣмъ, что мой рейткнехтъ Гурьяновъ ни за что не захотѣлъ отпустить нашихъ лошадей безъ того, чтобы ему самому не была доставлена возможность ихъ сопровождать.

— Нѣтъ, говорилъ онъ, лошади наши дорогія, какъ я пушу ихъ безъ себя, какъ положусь на какихъ-то жидовъ, хотя бы они были и посольскіе.

Разобравши это препирательство, принцъ Рейссъ сказалъ: бываютъ же еще на свѣтѣ вѣрные люди.

Когда я передъ своимъ отъѣздомъ спросилъ принца, — можемъ ли мы навѣстить нашихъ плѣнныхъ? онъ мнѣ отвѣтилъ: зачѣмъ? только лишнюю тревогу сдѣлаете и себѣ и турецкимъ властямъ; оставьте эти мысли, — хоть бы даже ваши братья тамъ были, — оставьте, обойдитесь безъ этого, вѣдь для великаго князя важнѣе всего то, чтобы вы безъ промедленія отправились въ Трепизондъ и держали бы путь дальше по Малой Азій; завтра отходить пароходъ Иллисусъ общества „messagerie maritime“ и вамъ нужно поспѣть выѣхать; я изготавлю и пришлю вамъ всѣ бумаги, приготовьтесь выѣхать завтра; неприятно будетъ его высочеству, если вы останетесь здѣсь еще недѣлю, а раньше, какъ черезъ недѣлю, не будетъ слѣдующаго парохода.

Такъ мы 7-го съ самаго ранняго утра погрузились и днемъ вышли изъ Царьграда на пароходѣ того общества „Иллисусъ“ черезъ Черное море берегомъ въ Трепизондъ, куда и прибыли 10-го числа днемъ. Путешествіе, по погодѣ и по состоянію моря, было очень бурное, но любезность капитана парохода — француза, насъ очаровала, все время онъ за нами ухаживалъ, какъ за родными.

Крайне грустно было видѣть, что ускользнулъ случай навѣстить своихъ на чужбинѣ; послѣ того, мы обратились къ принцу Рейссу съ просьбой разрѣшить намъ вручить ему кое-что, по нашимъ достаткамъ, для передачи плѣннымъ. Призвавъ какого-то чиновника своей канцеляріи, онъ отдалъ ему переданные нами пустяки, при чемъ строго приказалъ поскорѣе передать по принадлежности.

Проѣзжая въ довольно трепанной посольской каретѣ по Стамбулу, я раздумывалъ о черни, которую принцъ Рейссъ представилъ намъ такую свирѣпою; въ ушахъ у меня звучали его слова объ этой, полной тупости, черни, которая мелькала тутъ же на улицахъ въ лѣнливой, безчувственной толпѣ и, по словамъ принца, „могла разорвать насъ будто бы только за то, что мы осмѣлились нарушить ея святыню, проѣхавъ въ кавалькадѣ верхомъ по ея улицамъ“; по нашимъ мыслямъ задѣть ее, казалось, ничѣмъ нельзя, развѣ если у нея, какъ у ея сожительницы стамбульской собаки, начать отнимать кость или кусокъ мяса — тогда она освирипѣетъ, а чтобы ее могло задѣть нарушеніе какого бы то ни было обычая, обряда — ка-

кой-либо святости нѣтъ, все это за простого мусульманина почитаемъ святыней только мы, ему же все равно — можетъ ли этотъ оскотинившійся обитатель Стамбула обидѣться за что-либо нравственное, не трогающее его матеріальной имущественной, грошевой стороны жизни или его физическихъ чувствъ!

Далѣе, всѣ мы были заняты мыслями, которыя народились въ насъ, а больше всего въ нашемъ мусульманинѣ—ханѣ Карабахскомъ—отказомъ принца Рейсса доставить намъ возможность повидать нашихъ плѣнныхъ, изнывавшихъ подъ начальствомъ какого-нибудь звѣрски настроеннаго „миралаа“. „Если бы еще тамъ среди нихъ находились братья ваши“,—сказалъ онъ съ тою жестокостью, которая изобличаетъ въ немъ сытаго—онъ никогда не пойметъ голоднаго, жаждущаго облегчить свою душу свиданіемъ съ людьми, которые несомнѣнно братья намъ; только не по его понятіямъ — по его мнѣнію, это не такъ—и потому у него легко выливается фраза — „не дѣлайте усложненій ни себѣ, ни турецкимъ властямъ, оставьте это“. И пришлось оставить потому, что все равно не допустили бы: у васъ долгъ передъ великимъ княземъ, поѣзжайте скорѣй въ Трепизондъ, завтра отходитъ пароходъ, послѣ этого парохода другой пойдетъ не скоро... И правда, надо спѣшить, но мы знаемъ, что могли бы поспѣть на пароходъ и послѣ свиданія со своими родными, отдавшими отечеству все и попавшими вслѣдъ затѣмъ въ неволю; одно другому не помѣшало бы, только ты, нѣмецко-жидовская тварь, не хочешь усложнять дѣла себѣ — не объ насъ и не объ турецкихъ властяхъ въ этомъ идетъ или шло дѣло, а объ тебѣ и только о твоёмъ покоѣ.

Всѣ мы — и я, и Алдатовъ, и юный идеалистъ, чудный Мехти князь Уцміевъ ханъ Карабахскій, были полны этими мыслями, когда доѣхали до византійской гостиницы и тамъ молча принялись завтракать.

Послѣ завтрака, отнявшаго немного времени, мы отправились на пристань хлопотать объ мѣстахъ на пароходѣ; тамъ мы получили большое утѣшеніе и облегченіе, услышавъ отъ француза-капитана о томъ, что онъ навѣщалъ нашихъ плѣнныхъ, и находить ихъ настроеніе и самочувствіе не столь дурнымъ, а содержаніе очень хорошимъ, при чемъ онъ добавилъ: среди французской и англійской колоніи здѣсь составился кружокъ изъ знакомыхъ между собой людей; мы навѣщаемъ вашихъ плѣнныхъ и раненыхъ, при чемъ постоянно твердимъ

турецкимъ властямъ о необходимости помнить и соблюдать покой плѣнныхъ воюющей великой державы.

— Не знаю, что будетъ дальше, сказалъ, между прочимъ, добродушный, благородный французъ-капитанъ, но до сихъ поръ мы, взявши на себя частную защиту передъ турками чести и достоинства русскихъ плѣнныхъ и слѣдя другъ за другомъ, видимъ, какъ всѣ относятся къ этому дружно и добросовѣстно—не говоря уже о насъ, французахъ, нужно отдать справедливость и сухимъ сынамъ Альбіона: они передъ этимъ дѣломъ, ставшимъ для нихъ святымъ, съ полною искренностью занимаются неустаннымъ напоминаніемъ сынамъ ислама обязанности для нихъ полной ихъ гуманности относительно несчастныхъ, попавшихъ къ нимъ въ числѣ плѣнныхъ.

Обезпечивъ себя мѣстами на пароходѣ и получивъ отъ капитана выраженіе надежды на оказаніе полного съ его стороны содѣйствія намъ въ предстоявшемъ морскомъ путешествіи—мы занялись приготовленіемъ лошадей, людей конвоя, вьюковъ и багажа; на это ушла у насъ вся ночь, а утромъ въ 9 часовъ мы уже начали грузиться, отдаваясь труду этому безъ всякой мысли объ отдыхѣ

Часу въ 12-мъ прибылъ на пристань бѣлокрысый чиновникъ принявшій наканунѣ отъ принца Рейсса наше приношеніе для плѣнныхъ; на мой вопросъ о томъ, когда онъ надѣется передать имъ его, онъ только спросилъ меня — кому именно мы прикажемъ передать? назвавъ фамиліи извѣстныхъ намъ изъ числа плѣнныхъ — полковника Клевезаля, офицеровъ Розова, Домбровскаго и другихъ, попавшихъ въ плѣнъ на Еленинской позиціи Орловскаго полка въ дивизіи князя Николая Ивановича Святополкъ-Мирскаго, я просилъ его только передать имъ въ распоряженіе, а главное быть точнымъ въ скорой передачѣ.

— О, будьте спокойны, и принцъ настоятельно приказалъ, да и мы сами, вполне понимая это, стоимъ на томъ.

Въ это время, слушавшіе разныя мои распоряженія нижніе чины конвоя обратились ко мнѣ съ просьбой разрѣшить и имъ присоединить отъ себя небольшую ленту на плѣнныхъ.

Меня глубоко тронулъ этотъ ихъ порывъ; я, конечно, съ удовольствіемъ принялъ ихъ предложеніе, но очень удивился, когда вдругъ такую же просьбу добавилъ и бѣлокрысый нѣмецъ отъ себя.

— Позвольте, сказалъ онъ, и мнѣ также быть участникомъ, всѣ мы христіане... запинался онъ.

Это обстоятельство отнимаетъ всякую возможность приписать умыслу то обстоятельство, что, какъ оказалось впоследствии, по полученной мною отъ бывшихъ плѣнныхъ справокъ—они не только никогда ничего не получили отъ нашего имени, но даже и не слышали, чтобы у насъ было стремленіе удѣлить имъ что-либо...

Е. К. Андреевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

